

УДК 391

О.Н. Шелегина

*Институт истории СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: sholga@ngs.ru*

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КУЛЬТУРЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ (XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)*

Введение

Адаптивная проблематика стремительно врывается в число наиболее перспективных направлений в отечественной и зарубежной науке [Ромм, 2002, с. 6–7]. Универсальным механизмом адаптации человеческого общества является культура. Под культурной адаптацией в целом понимается “приспособление человеческих сообществ, социальных групп и отдельных индивидуумов к меняющимся природно-географическим и историческим (социальным) условиям жизни посредством изменения стереотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни и элементов картины мира, способов жизнеобеспечения...” [Культурология..., 1997, с. 15]. В этнографии, изучающей расселение и культурно-исторические взаимоотношения народов мира, их материальную и духовную культуру, значительное внимание уделяется процессу адаптации в этногенезе. Весьма актуальным представляется изучение традиционных систем жизнеобеспечения, включающих такие важнейшие элементы материальной культуры, как пища, жилище, одежда, и их адаптации в различных экологических условиях в исторической динамике. В ситуации, когда часть этноса мигрирует на новую территорию, удаленную от основной зоны его расселения, возникает целый комплекс адаптационных проблем. При историко-этнографическом подходе к их анализу следует учитывать диалектическую

противоречивость явления адаптации: это и процесс приспособления этноса к новой среде, и его результат. Кроме того, адаптация предполагает соответствие между целями и достигаемыми результатами, относительную гармонию между субъектом и средой, обеспечивающую возможность развития личности [Корель, 1997, с. 39–40].

Исследование адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского этноса в Сибири связано с историей заселения и хозяйственного освоения территории региона, постоянным этнокультурным взаимодействием переселенцев, аборигенного населения, старожилов, контактами с европейской частью России и соседними зарубежными государствами.

К настоящему времени накоплен значительный опыт историко-этнографического изучения культуры и быта русских сибиряков в XVII – начале XX в. Он обобщен в ряде историографических статей [Болонев, 1998; Томилов, Алисов, Жигунова, 2003; Шелегина, 2003б]. Сравнительно недавно начато исследование различных аспектов адаптации населения в Сибири [Петрова, 1999; Адаптации..., 2003; Коровушкин, Лоткин, Смирнова, 2003; Андюсев, 2004; Русские старожилы..., 2002]. В данной работе на основе достижений в адаптологии, социологии адаптаций [Корель, 1996, 1997], анализа материальной, духовной и соционормативной культуры русского населения Сибирского края [Шелегина, 1992, 2001а, б], результатов исследований предшественников дается комплексное представление об адаптационных процессах в системе жизнеобеспечения русских Сибири в XVIII – начале XX в. Акцентируется внимание на добровольных успешных адаптациях сельского населения, его пище, одежде, жилище.

* Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта СО РАН № 78 “Адаптации населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты”.

Пища

К новым природно-климатическим условиям прежде всего должна быть адаптирована система питания. Это вопрос физического выживания. Питание является важнейшим механизмом этноэкологической адаптации [Тригулевич, 2001]. Первопоселенцы Сибири, составлявшие в основном служилое население гарнизонов, остро ощущали нехватку зерна, что повлекло достаточно быстрое освоение сельскохозяйственных площадей. Скудность продовольственного обеспечения, лишения, как правило, терпели отряды служилых людей, на какое-то время оторванные от своего дома [Люцидарская, 2002, с. 145, 153]. Так, в своей челобитной енисейские служилые в 1626 г. писали: “Чего на Руси и скотина не ест – в зимнее время, разбив муки на воде, а в летнюю пору, наваря борщу на воде, – то мы едим”. Красноярские служилые люди, не получившие в походе хлеба, жаловались: “Помирали голодной смертью и души свои оскверняли – всякую гадину и медвежатину ели” (цит. по: [Липинская, 1981, с. 183]). Воевода г. Мангазеи сообщал, что русские варят щи из травы, похожей на ревеня, которую называют “капустою”. Как видно, в возникавших экстремальных ситуациях русские выбирали активную стратегию адаптивного поведения. Они стали употреблять в пищу дикоросы: ревеня, растение “капусту” (возможно, названное так в память об одном из самых распространенных в европейской части страны овощей), “борщ”, лук-бодун, черемшу, сарану, кипрей, колбу, гречиху – “кындык”, а также мясо диких животных и птиц – “дичину”, “зверину”. У аборигенного населения были заимствованы способы приготовления и хранения пищи, в частности сушение, вяление и квашение рыбы (юкола, юрок, порса, “варка”, рыбий жир) [Там же, с. 184]. Несмотря на то что, как считает А.А. Люцидарская, в XVII столетии в Сибири природная среда и социальные условия обеспечивали колонистов в достаточном объеме продуктами питания [Люцидарская, 2002, с. 153], произошла определенная редукция традиционной системы, что является характерным для периферийной территории расселения этноса. Естественным было стремление русских восстановить свою хлебно-мучную систему питания. “Коли хлеба край, то и под ель рай”, “В хлеб и пирог все завернешь”, – говорили сибиряки. Политика государства, направленная на рост численности крестьянского населения за Уралом, создание базы для развития зернового и животноводческого хозяйства, внутренней и внешней торговли, способствовала решению в Сибирском регионе продовольственной проблемы. К XVIII в. уменьшился ввоз зерновых из-за Урала, увеличилась роль торговли с Китаем, Средней Азией. Оттуда поступали сухофрукты, сладости, рис, чай. Продуктовая база также расширялась путем адап-

тирования – акклиматизации новых овощных и садовых культур (картофеля, бахчевых, яблок, цветной капусты). Новации, связанные с заимствованиями у аборигенного населения на начальном этапе освоения края, превратились в традиции. Русские убедились в целесообразности широкого использования полуфабрикатов, блюд из рыбы, эффективности местных способов консервации мяса и молочных продуктов (вяление, сушение, заморозка), по достоинству оценили вкусовые качества и полезные для здоровья свойства даров сибирской природы. Благодаря кулинарному творчеству переселенцев появился чисто сибирский напиток – кедровое молочко. Очевидно, на промежуточном этапе переселения русских в Сибирь у народов Приуралья были заимствованы пельмени (тесто с мясом). В дальнейшем сибиряки стали изготавливать их и с другими начинками (рыба, грибы, капуста, полевой лук). Это сложносоставное блюдо (сочетание крахмала и белка) [Арутюнов, 2001, с. 15–16] можно рассматривать как одну из наиболее адекватных в сибирском климате моделей питания. Кроме того, лепка пельменей являлась как бы небольшим семейным праздником, в котором сочетались передача хозяйственного опыта и проведение представителями разных поколений сибиряков совместного досуга. Это блюдо приобрело в определенной степени социокультурное значение, даже культовый характер (о нем слагались песни), и уже как “пельмени сибирские” распространилось в европейской части страны. До настоящего времени они подчеркивают некое локальное своеобразие, позволяющее людям осознавать себя за столом именно сибиряками [Липинская, 2001, с. 21; Жигунова, 2002, с. 131; Шелегина, 2001а, с. 48, 135]. Чай стал достоянием сельских жителей Сибири (за исключением старообрядцев) намного раньше, чем в Европейской России. Он был заимствован не только от китайцев, но также через посредство принявших российское подданство коренных сибиряков и в адаптированных ими вариантах [Липинская, 2001, с. 22]. В Восточной и некоторых районах Западной Сибири употребляли своеобразные чаи: “затуран” (с солью, молоком и мукой, поджаренной на масле), “хурча” (с толчеными высушенными зернами пшеницы или ярицы), “пережар” (с мукой, обжаренной на рыбьем жире). Вообще сибиряки любили пить чай с молоком. В основном они пользовались кирпичным чаем, употребление которого считалось престижным [Андюсов, 2003, с. 258; Шелегина, 2001а, с. 33–34]. Особенно стремились выделиться этим казаки, пившие его по пять-шесть раз в день. “Чай составлял у них предмет первой необходимости, дороже чая только пшеничный калач и булка” [Катанаев, 1893, с. 19]. Пельмени и чай можно отнести к витальным и знаковым элементам системы питания сибиряков, конструктивным адаптаци-

ям, несущим в себе элементы созидательности, рациональности, широкого вариативного использования в различных ситуациях.

К середине XIX в. процесс адаптации системы питания русских в основном завершился. В лесостепной зоне Прииртышья поселенцы начали использовать облепиху, плоды бобовника для выбивания масла и выгонки водки, собирать кленовый и березовый сок, в таежной зоне – кедровые орехи. Излюбленным лакомством сибиряков стал мед. В деревнях во время съезжих праздников демонстрировалось изобилие угощений, осуществлялся обмен кулинарными рецептами [Шелегина, 2001а, с. 31–32, 46–47]. Популярным праздничным печеньем в Сибири являлись вафли. В европейской части России они делались редко и в XIX в. считались скорее городским лакомством [Липинская, 1981, с. 194]. Система питания в этот период уже была хорошо адаптирована и к специфическим сибирским ситуациям, связанным с длительным пребыванием вне дома. В оптимальный дорожный продуктовый набор сибиряков в ходе освоения территории края вошли: сушеное мясо, “провеслая” говядина, копченые языки, крупа и сухари, рис, саго, бульонные таблетки, коровье и кедровое масло, китайский сахар (леденцы), чай, ром, запас вина, водки и непременно пельмени. Енисейские старожилы “изобрели” своеобразный полуфабрикат – “варево” из обжаренных с жиром и мукой, а затем подсушенных овощей, рубленого мяса, лука. Из таких шариков, опущенных в кипяток, получалось очень сытное блюдо быстрого приготовления – “похлебка” [Андюсев, 2003, с. 263; Шелегина, 2001а, с. 40].

На рубеже XIX–XX вв. типичной для всех земледельческих районов Сибири стала система питания, основанная на сбалансированном соотношении зерновых, мясных (их доля была выше, чем в европейской части страны) и молочных продуктов, полученных непосредственно в крестьянском хозяйстве. Существенную роль в ней играли продукты рыбной ловли, охоты, собирательства, пчеловодства. У русских сибиряков сложился постоянный набор блюд и способов их приготовления, расширявшийся в ходе этнокультурных контактов [Жигунова, Шелегина, 2004, с. 81–84]. В частности, в Притомье наряду с традиционными русскими употреблялись блюда и мучные изделия, заимствованные у татар: суп-шурпа, плов из риса, моркови и баранины, баурсаки, санса, чакчак [Томилов, 2001, с. 118]. У приангарских крестьян и алтайских старообрядцев система питания отличалась большей, чем в других районах, многослойностью. В ней выделялись архаичные виды пищи, табуированные продукты, блюда, характерные для мест выхода переселенцев, этнокультурные и городские заимствования в еде, оригинальные блюда и напитки,

созданные на основе дикоросов. Эта специфика, очевидно, была связана с социокультурными особенностями адаптантов [Сабурова, 1967, с. 154; Липинская, 1996, с. 146, 154]. У всех групп недавних переселенцев в Сибирь на начальном этапе имело место нарушение баланса питания, выражавшееся в меньшем потреблении зерновых и соответственно мучных продуктов, но оно носило временный характер. Новоселы достаточно быстро адаптировали свою кухню, учитывая опыт старожил, и предлагали варианты для разнообразия пищевого рациона. В степных районах, где переселенцы численно преобладали, под их влиянием сибиряки стали сажать помидоры, тыкву, сахарную свеклу и делать заготовки из них, варить горячие блюда из овощей: щи, борщ, рассольник и т.д. [Томилов, 2001, с. 125; Липинская, 1996, с. 164].

В целом питание подавляющей части сибирского населения было значительно сытнее и разнообразнее, чем в Европейской России. Радужие, гостеприимство, щедрость в угощении говорят об адаптации по отношению к пище на поведенческом и ментальном уровне [Андюсев, 2004, с. 103–105]. “Сибиряки поесть любят и могут хорошо”, – констатировали современники (цит. по: [Шелегина, 2001а, с. 49]). Таким образом, успешное развитие сельскохозяйственного производства и торговли в Сибири, использование адаптивного потенциала старожильческого и переселенческого населения и иноэтнических заимствований в XVIII – начале XX в. позволили приспособиться к новым условиям и развить традиционную систему питания русских.

Одежда

Одежда наряду с первичной утилитарной функцией (охрана тела человека от воздействия внешней среды) имеет и ярко выраженную престижно-знаковую. Она является своеобразным половозрастным, социальным, этническим маркером. Посредством ее осуществляется физическая и социальная адаптация человека к изменениям среды. В терминологическом словаре одежды русских Сибири XVII–XIX вв., составленном А.А. Лебедевой, называется более 400 элементов костюма [Лебедева, 1981б]. По нашим подсчетам, в XVIII в. у западно-сибирских крестьян было 83 наименования одежды, головных уборов, обуви, а в первой половине XIX в. уже 130. Все это изготавливалось из тканей 54 разновидностей, меха 19 наименований, кожи 8 сортов. В costume насчитывалось 74 традиционных для сельских жителей России элемента (66 %), в т.ч. 7 древнерусских, 50 общерусских, 17 имевших локальное бытование в местах выхода переселенцев. У городского населения было заимствовано 18 (16,1 %) элементов, у абори-

генных народов – 14 (12,5 %): чембары, яга (доха), гусь, ягушка, малица, парка, малахай, треух (треушок), ошейник (нашейник), ожерелок (боа), ичиги, унты, кисы, пимы (меховые). В ходе освоения региона благодаря творческому подходу переселенцев к изготовлению одежды и обуви появилось шесть (5,4 %) новых “сибирских” элементов костюма – шуба с “краганом” (капюшоном), фуфайка, стеганец, ишимы, чарки, пимы (войлочные). Показательно, что в Сибири раньше, чем в европейской части страны, широкое распространение в деревне получили женская пара, платье, мужской жилет. Сибиряки были значительно лучше, чем крестьяне Европейской России, обеспечены теплой зимней одеждой и обувью, не носили лаптей [Шелегина, 1992, с. 181–186].

В конце XIX – начале XX в. проживавшим на юге Западно-Сибирской равнины русским сибирякам, по данным М.Л. Бережновой, было известно более 250 терминов для обозначения элементов костюма, ок. 40 вариантов кроя тканевой одежды. Этот период характеризуется бытованием у сельского населения двух типов костюма: “традиционного” (рубаша с сарафаном для женщин и рубаша с портами для мужчин с соответствующими головными уборами) и “городского” (у женщин его основу составляли юбка с кофтой или платье, у мужчин – узкие брюки на пояс и клешенная рубаша) [Бережнова, 2003, с. 107–108]. Ведущими тенденциями являлись поступательное развитие одежды русских, преобладание в ней традиционных компонентов, дополнение и совершенствование костюма путем инновационных адаптаций. Суровые сибирские морозы поставили первопроходцев в ситуацию, требующую активного адаптивного поведения. Переселенцами прежде всего осознается целесообразность использования в данных природно-климатических условиях некоторых видов меховой одежды самодийских, угорских, тюркоязычных народов. Дополнение ими традиционных русских шуб, полушубков, тулупов позволило создать двухслойный, а на севере Сибири и трехслойный меховой костюм, оптимальный для изучаемого региона. Не зря говорили: “Сибиряк не тот, кто мороза боится, а тот, кто умеет от мороза хорониться”. Даже известная половица “Своя рубашка ближе к телу” в Восточной Сибири трансформировалась в “Своя кошуля (доха. – **О.Ш.**) ближе к телу”. Широкое распространение здесь и на северо-востоке Сибири получила заимствованная у разных групп аборигенного населения “камлейка” – очень удобная, теплая, предохраняющая от ветра и сырой погоды верхняя одежда из меха или кожи с капюшоном [Лебедева, 1981а, с. 155–157].

Активно адаптировались русскими обувь и головные уборы аборигенного населения. Так, с середины XVIII в. в состав костюма переселенцев вошел головной убор с четырьмя меховыми клапанами на лбу, ушах

и затылке с тюркским названием “малахай”. Свидетельством его значительного распространения в регионе является то, что в соседней Пермской губернии уже в начале XIX в. малахай был известен как “сибирский”. Сначала он использовался русскими как праздничный, затем как повседневный, а в дальнейшем только как дорожный головной убор. Такую ситуацию можно объяснить общими механизмами адаптации новаций. Вначале произошло простое заимствование этого элемента иноэтнического костюма. Новация могла быть отвергнута, если бы оказалась ненужной. В сибирских условиях жители убедились в ее полезности, и произошло постепенное усвоение и адаптивное малахая к культуре русского этноса. Так как головной убор служил важным признаком этнической принадлежности и имел семиотическое значение, малахай перестал использоваться в праздничном комплексе. Его никогда не носили старообрядцы. В первой половине XIX в. доля малахая в группе мужских головных уборов уменьшается, а затем он почти полностью вытесняется шапкой-ушанкой [Шелегина, 2003а, с. 68–69].

На начальном этапе освоения края при вхождении иноэтнических новаций в культуру русских сибиряков определился их преимущественно утилитарный, а не престижно-знаковый характер. Со временем эти новации превратились в традиции, и переселенцы заимствовали виды одежды, уже адаптированные старожилами. В результате межэтнических контактов на Алтае под влиянием казахов в женский гардероб вошли шаровары, изменился покрой штанов (для удобства при верховой езде), в орнаменте домотканины и вышивки появились восточные мотивы, мужские халаты стали использоваться даже в свадебном обряде [Там же]. Русские жители Притомья знали особенности традиционного костюма местных татар, названия разных видов их одежды. Некоторые женщины носили платье “татарского покроя”, имели нагрудные украшения из монет и “чаг-тулун” – цепочку из монет для кос. Иногда русские девушки, как и аборигенки, прикрывали при встрече с незнакомыми мужчинами лицо платком [Томилов, 2001, с. 140–141]. Как видно, специфика новых мест проживания способствовала созданию своеобразных этнокультурных комплексов, которые можно рассматривать как результат адаптации переселенцев не только на бытовом, но и поведенческом уровне. Таким образом, костюм русских постепенно обогащался за счет заимствования и адаптивного элементов одежды аборигенных народов и становился все более адекватным условиям осваиваемых территорий. Это свидетельствует о своеобразной психологической гибкости, силе людей, сумевших адаптироваться в сложной экологической и этнической обстановке, не утратив стержня традиционной русской культуры.

Сохранение традиций мест выхода переселенцев было связано как с функциональным соответствием сибирским условиям используемой ранее одежды, так и со стремлением зафиксировать память о родине в знаковых элементах костюма. Так, например, в костюме русского населения Приангарья присутствовали некоторые архаические общерусские черты: косоклиный покрой всех видов верхней одежды, катанные шапки с наушниками, чулки из домотканины, красный цвет в отдельных видах обрядовой (свадебной) одежды (красная шуба, красная суконная юбка) [Сабурова, 1967, с. 141–142]. Старообрядцы Алтая “поляки” и “семейские” Забайкалья сохраняли в Сибири яркий, с южно-русскими элементами костюм [Шелегина, 2001а, с. 94–97, 102–104]. Специфические женские головные уборы, богато украшенные дополнения к праздничному наряду играли для отдельных групп населения в сибирской деревне одновременно и интегрирующую, и дифференцирующую роль, внешне отделяя старожилов от новоселов. Это было актуальным проявлением этнических последствий массовых переселений в Сибирь [Бережнова, 2003, с. 124]. Одежда в данном случае играла роль этномаркирующего признака. Процесс адаптации к новым условиям быстрее проходил у молодого поколения. Например, в середине XIX в. у выходцев из Курской губернии, проживших в Барабинской степи ок. 30 лет, только пожилые женщины носили традиционную красную шерстяную юбку, а молодые уже были одеты “по-сибирски”, т.е. в сарафаны и ситцевые платья. В этом прослеживается закономерный, совпадающий с общей тенденцией развития женского костюма процесс заимствования переселенцами у сибиряков-старожилов сарафанного комплекса, а затем переход от него к городским формам одежды – паре, платью [Шелегина, 1992, с. 158–169]. В свою очередь, яркий, красочный костюм переселенцев оказывал влияние на старожилов, которые стали использовать вышивку, съемные украшения, символику цвета. В конце XIX – начале XX в. отличия в одежде старожилов и новоселов постепенно нивелировались в связи с широким распространением фабричных тканей и готовых изделий. Российские переселенцы способствовали внедрению этнически нейтрального “городского” костюма [Бардина, 1995, с. 207–208; Бережнова, 2003, с. 121]. Его адаптация в сельской среде шла главным образом путем создания паллиативных форм, представляющих смешение традиций и новаций. Для пошива “городской” одежды использовалась домотканина, традиционную шили из фабричных тканей, получили распространение комплекты, сочетавшие городские и традиционные виды одежды. Новации прежде всего интегрировались в праздничный костюм. Женские наряды из ситца по мере износа из праздничных пе-

реходили в повседневные и рабочие*. Появление новых элементов (отложные воротники, манжеты), оригинальных конструктивных решений, сочетавших традиционный экономный раскрой ткани и модные городские фасоны, по оценке Е.Ф. Фурсовой, представляло определенную “психологическую ступеньку”, пройдя которую алтайские крестьянки были готовы к восприятию “чисто городских” видов одежды [1997, с. 134]. На темпы и глубину адаптации в сельской среде городского костюма существенное влияние оказывал ряд факторов: социокультурный (мода, активное использование новинок середнячками и зажиточными слоями населения, казаками), половозрастной (молодое и среднее поколение, в первую очередь женщины), географический (близость к трактам, крупным сибирским городам), конфессиональный (большая приверженность традиционному костюму старообрядцев).

Сложившееся в Сибири соотношение традиций и новаций, с локальной динамикой в отдельных районах, позволило русскому населению создать адаптированный к местным условиям костюм. Его совершенствование совпадало (в некоторых случаях опережало) с общими тенденциями развития народной одежды в период формирования историко-этнической территории расселения русских.

Жилище

Жилище является одним из ключевых символов культуры, типы и формы которого находятся в прямой зависимости от социально-экономических и природно-географических условий. С понятием “дом” у человека соотносятся все важнейшие моменты картины мира.

Наиболее распространенным и предпочтительным строительным материалом со времени заселения Сибири и до наших дней являются деревья хвойных пород. Существовали и передавались из поколения в поколение необходимые знания и навыки в выборе строительной древесины. “На все природа реагирует, а человек примечает”, – говорили старожилы [Майничева, Люцидарская, 2003, с. 86].

В Сибирском регионе использовались все типы и варианты горизонтальной и вертикальной планировки жилища, известные в европейской части страны ко времени переселения крестьян за Урал. Русские на бескрайних просторах Сибири “проиграли” в ускоренном темпе эволюционное развитие народной архи-

* Список предметов, приобретенных в Уймонской инородческой управе Барнаульского уезда Томской губернии для Русского музея в 1905 г. С.П. Швецовым. – Российский этнографический музей. Ф. 1. Оп. 2. Д. 714. Л. 10–12 об.

тектуры: от простейших срубных построек, зимовий и клетских изб до значительных по масштабу и совершенных жилых сооружений, которые на рубеже XVII–XVIII вв. по техническим и архитектурным качествам были сопоставимы с деревянным зодчеством северных районов России. Анализ статистических материалов по западно-сибирской территории позволяет заключить, что в районах первоначального освоения (таежная зона) число жилищ однокамерного типа (изба) на протяжении XVIII в. было незначительно. Примерно в 40 % крестьянских дворов находились двухчастные (изба-сени) жилые комплексы. Со временем процент построек такого типа достиг 48. Распространенность трехчастной (два жилых помещения и сени) планировки домов колебалась в степи и лесостепи от 19 до 65 %. С первой трети до конца XVIII столетия происходила смена преобладающих вариантов трехчастного типа от полифункционального “изба – сени – клеть” к более совершенному “изба – сени – горница”. Многокамерных построек, включавших несколько жилых помещений и сени, во всех районах Западной Сибири было очень мало – до 3 %. В пределах одной зоны варьирование планировочных структур было связано с имущественной дифференциацией крестьянства и людностью сельского двора. Со второй половины XVIII в. использовались развитые архитектурные формы домов: пяти-, шестистенки, крестовики. В конце столетия, раньше, чем в центральных российских губерниях, массовое распространение получили “белые” печи с тягой, начали появляться кирпичные фундаменты. Уже в первой половине XIX в. в Сибири значительно шире, чем в европейской части страны, применялся наиболее оптимальный для того времени вариант трехчастного типа “изба – сени – горница”, называемый крестьянами “связь”. Приспособившая жилью к суровому климату, долгим и снежным зимам, они старались под одной кровлей соединить необходимые для жизни и хозяйства семьи помещения [Шелегина, 1992, с. 55–61]. Опережение в развитии, выражаясь современным языком, массового жилищного строительства было вызвано более благоприятными социально-экономическими условиями, высоким уровнем жизни сибиряков. Определенное значение мог иметь и опыт адаптации, приобретенный крестьянами в Приуралье, на промежуточном этапе движения русских на восток. Выделение функциональных и семиотических зон во внутреннем пространстве жилых помещений, отделка поверхностей стен, большое число окон, ассортимент мебели и предметов утвари, значительная роль жирового освещения, чистота и порядок в домах также отличали быт сибиряков-старожилов от сохраняющегося на родине их предков. Способствовала успешной адаптации и деятельность местной администрации, требовавшей использования крестьянами более совершенных ме-

тодов строительства, повышающих долговечность и пожароустойчивость жилых и хозяйственных сооружений, а также распространявшей проекты “образцовых фасадов”, планы рациональной застройки усадеб в притрактовых и заводских селениях. Община следила за санитарным состоянием жилищно-хозяйственного комплекса у земледельцев [Там же, с. 98–100].

На территории Сибири можно отметить районы с особенностями в использовании строительных материалов, приемов утепления жилых помещений, заимствованиями у аборигенного населения. Так, например, в Олекминске небогатые канцелярские чиновники и мещане жили в адаптированных к культуре русского этноса якутских юртах. Они делались из толстых досок, снаружи обмазывались глиной, внутри сооружалась печь. В Якутске многие из русских летом (из-за жары и духоты в домах) жили в берестяных юртах (урасах). На Лене в окна вставляли две рамы, причем внутреннюю с двумя стеклами. На Колыме промежутки между бревен затыкались мхом и замазывались глиной. Нижняя часть строения снаружи до небольших окон, затянутых рыбьим пузырем летом и заставленных льдинами зимой, заваливалась землей. В доме вместо русской печи устраивался якутский чувал, по стенам развешивались олени шкуры и оружие. В других районах края иноэтнические заимствования проявлялись в элементах интерьера. На юге Западной Сибири в быт вошли киргизские полсти (кошмы), на северо-западе – плетеные хантми из травы циновки – нори. На Алтае горницы украшались казахскими узорными ковриками – сырмаками [Шелегина, 2001а, с. 73–74, 81].

К немаловажным факторам, влиявшим на темпы адаптации русских в сибирских условиях, следует отнести и психологический. В отсутствие крепостной зависимости крестьяне стремились к индивидуальному проявлению во всех сферах быта, и в первую очередь, при создании удобного уютного жилья, чтобы “хозяин в доме, как медведь во бору, а хозяйюшка в доме, как оладушка в меду”. Сибиряками была выработана на основе адекватных адаптаций система культуры и практики строительства, учитывавшая экологические, экономические, этнические факторы, социально-психологические особенности населения осваиваемого региона.

В конце XIX – начале XX в. активизировались миграции в Сибирь. Во всех селениях, образованных на переселенческих участках, из-за отсутствия материалов и недостатка средств вновь прибывшие сооружали временные постройки: шалаши, балаганы, полуземлянки, землянки [Майничева, 2002, с. 108]. Вот, например, как устраивались 20 семей из Курской губернии в районе Колывани. Они сначала прокосили полосу в лесу и поставили берестяные шалаши. Затем стали рубить березовый лес, ставить изгородь

и избы. К холодам только одна семья успела закончить строительство. Вот соседние бабы и “запросились в избу с ребятишками”. Хоть и трудно было, но весело, работали “сплеча”, торопились строиться, тяжелые работы делали коллективно, по очереди, кому надо. В первые же годы пришлось “браться за горшки” – подрабатывать на крышу, на амбар, на лишнего коня*. Самые простые жилища сооружали новоселы и в других районах Сибири. По мере адаптации на новой территории они стремились построить такие же, как у старожилов, дома.

Интенсивные миграционные процессы способствовали расширению этнокультурных контактов, взаимовлиянию в области жилищного строительства. Так, например, в районе Нижнего Притомья наблюдалось большое разнообразие элементов жилища, характерных для русского населения северных, южных и западных губерний Европейской России. Традиционными северно-великорусскими чертами являлись положение русской печи и направление ее чела к противоположной от входа стене, “мостовик” во дворе усадьбы, наличие подклета. С западным влиянием было связано направление чела русской печи к боковой стене. Южно-русская специфика сказывалась в широком распространении наружной обмазки стен глиной, побелки внутри жилого помещения, использовании плетня для ограждения огородов, применении соломы для покрытия жилых и хозяйственных построек [Томилов, 2001, с. 96–114]. Некоторые группы переселенцев даже считали крыши из соломы красивее и прочнее, чем тесовые. В первые годы жизни в Сибири они для тепла закрывали окна соломой, ей же, а также кизяками, дудками топили. Очевидно, это было связано с традициями прежних мест жительства, но нерационально в сибирских условиях. Старожилы даже стыдились: “Не позорь Сибирь! Не топи кизяком!” [Майничева, Люцидарская, 2003, с. 100].

Традиционным источником тепла для русского сибирского дома служила духовая глинобитная печь. В холодном климате потребовалось ее дополнение городскими новациями: кирпичной печью-“голландкой”, металлической фабричной “кантромаркой” [Жигунова, 2004, с. 121].

В конце XIX – начале XX в. в сибирских деревнях зафиксированы практически все типы построек, известные в регионе ранее. У новоселов и бедных слоев старожильского населения, как правило, были двухчастные дома (жилое помещение и сени) под названиями “одностопка”, “изба”. Сохраняли свое значение и двухкамерные жилища (“дома на две стопы”, пяти-

стенки без сеней), имевшие конструктивный потенциал для быстрого эволюционирования в трехчастные путем пристройки сеней. Из-за раздела больших семей “связи” начали преобразовываться в пятистенки. Так, у старожилов Верхнего Приобья, по подсчетам А.Ю. Майничевой, пятистенные жилые постройки составляли 41 %, четырехстенные – 34,2, крестовые – 20,1, шестистенные – 4,7 %. У переселенцев преобладали четырехстенные и пятистенки – соответственно 49,1, и 43,9 %, крестовых было значительно меньше – 5,7 %, шестистенные практически отсутствовали – 1,3 % [Майничева, 2002, с. 108]. Зажиточная часть сибирского населения в начале XX в. перешла к сооружению многокамерных, крестовых домов, а затем к перестройке их в двухэтажные [Сабурова, 1967, с. 128; Скрябина, 1997, с. 54]. Крестовик выражал стремление крестьян-старожилов к высокому уровню материального благополучия. Он являлся результатом полной адаптации жилища к климатическим условиям Сибири при сохранении важнейших традиций русского зодчества и наиболее перспективным типом для дальнейшего развития сельского жилого комплекса. Его можно было соорудить из старых планировочных форм и модифицировать в квартиру городского типа. При центральном положении печи обогревались все комнаты такого дома, что весьма существенно в условиях Сибири [Анджусев, 2004, с. 99; Липинская, 1995, с. 175–178]. Н.Н. Нагорская в 1930-х гг. определила типы планировки 100 домов по ул. Коммунальной в Колывани. Из них 59 являлись пятистенниками, 22 – избами (срубам), 15 – крестовыми, 4 – домами “связью”. Явное преобладание пятистенников жители объясняли ей дороговизной топлива и тем, что большие крестовые двухэтажные дома были свезены в Новосибирск, проданы или “перекатаны”, а строить дом “связью уже не модно”. Вместе с тем как дань традициям можно расценивать то, что «редко сохранившиеся дома “связью” местные жители почитали как самый старинный тип»*.

На протяжении изучаемого периода выделились типы горизонтальной планировки жилищ, оптимальные для конструктивных адаптаций (двухкамерный, “связь”, крестовый). Сибиряки, основываясь на общерусских традициях деревянного зодчества, принципах организации внутреннего жилого пространства, способах застройки усадьбы, сумели адаптировать накопленный веками рациональный опыт для создания адекватного, динамично развивающегося жилого комплекса.

В результате успешной адаптации русского населения в новых хозяйственных, экологических и этнических условиях Сибири сформировались внутрирегиональные комплексы с высокоразвитой материальной культурой, в наибольшей степени соответствовавшие образу жизни людей, переселившихся за Урал.

* Нагорская Н.Н. Дневник экспедиции в Колывань. 1929 г. – Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ), советский отдел, документальный комплекс. № 20415/3 осн. Л. 261.

* Нагорская Н.Н. Дневник экспедиции... Л. 59–60.

Заключение

Адаптация всегда стресс. От психологической установки, с которой адаптант осваивается в новых условиях, зависят темпы, формы, адекватность, успешность и прочие характеристики адаптационных процессов [Корель, 1997, с. 55]. Адаптацию русского населения в Сибири можно считать системной (суперадаптацией), что предполагает максимально высокую адаптивную нагрузку. Состояние или процесс преимущественно добровольного приспособительного реагирования охватывал все структурные элементы социальной системы и одновременно все сферы функционирования субъектов. Важную роль адаптационные процессы играли в культуре жизнеобеспечения русских. В ее развитии на протяжении XVIII – начала XX в. наблюдались явления пре-, ин- и постадаптации. Преадаптация базировалась на использовании высокого адаптивного потенциала русского этноса и полезного опыта, накопленного в результате миграций. В Сибирь переселенцами были принесены уже сформировавшаяся хлебно-мучная система питания, традиционные комплексы мужской и женской одежды, все известные строительные приемы, типы горизонтальной и вертикальной планировки жилищ, организации усадеб. Принадлежность индивида к адаптирующемуся на новой территории социальному институту (общине, церкви, семье), пребывание на государственной службе включали его в адаптационный процесс и тем самым облегчали поиск индивидуальной стратегии выживания с оптимальным использованием адаптивных ресурсов. Второе и тем более последующие поколения переселенцев, ставших старожилыми, выступали носителями уже адаптированной на сибирской почве культуры жизнеобеспечения.

На этапе инадаптации определяющее значение имело сбалансированное и динамичное соотношение традиционных (использование и трансляция адаптированных форм материальной культуры) и инновационных (адаптирование иноэтнических и городских элементов к культуре русского сельского населения) адаптаций. Первые придавали системе жизнеобеспечения устойчивость, вторые сопровождалась созданием новых способов и стереотипов поведения, нацеленных на выживание или достижение жизненного успеха. Темпы и результаты адаптационных процессов, в ходе которых использовались институционализированные, нормативно-регулятивные, личностные средства адаптации, зависели от адаптивного потенциала и ментальных особенностей старообрядцев, переселенцев, старожилов. Наиболее удачные модели адаптивного поведения закреплялись и распространялись в обществе.

В целом в культуре жизнеобеспечения доминировала генерационная адаптация, выразившаяся в усложнении и совершенствовании системы питания, народ-

ного костюма, жилищно-хозяйственного комплекса, опережающих (по сравнению с европейской частью страны) темпах их развития у русских сибиряков. Наследие непосредственное материальное воплощение в знаковых элементах культуры духовные ценности русского населения Сибири отражали систему их мировосприятия с преобладающим жизнеутверждающим началом. Об этом свидетельствовали и бытовавшие в регионе пословицы, поговорки, афористичные высказывания, из которых резюмирующим можно считать: “Страшна Сибирь слухом, а люди лучше всех живут”. Прогрессивность адаптации заключалась в создании на территории Сибири и распространении в Европейской России новых элементов материальной культуры.

В середине XIX в. можно констатировать адаптированность русских сибиряков (формирование внутрирегиональных высокоразвитых комплексов материальной культуры, наличие надежного набора решений различных проблем в тех или иных условиях), наступление относительного предела практического использования адаптивного потенциала для достижения конкретных целей. В последующий период адаптивная активность принимает потенциальную форму. В конце XIX – начале XX в. в связи с массовыми переселениями в Сибирь в культуре жизнеобеспечения начинается процесс постадаптации.

Список литературы

- Адаптации** населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. – Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2003. – 160 с.
- Андюсов Б.Е.** Сибирское краеведение: Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX в.: Учеб. пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. – 336 с.
- Андюсов Б.Е.** Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.: Опыт реконструкции. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2004. – 264 с.
- Артунов С.А.** Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 10–17.
- Бардина П.Е.** Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – 224 с.
- Бережнова М.Л.** Изменения в традиционном костюме русских юга Западно-Сибирской равнины в последней трети XIX – начале XX в. // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв.: Очерки истории и быта. – Омск: Изд. дом “Наука”, 2003. – С. 106–124.
- Болонев Ф.Ф.** Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 16–37.

- Григулевич Н.И.** Пища как важнейший механизм этноэкологической адаптации // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 147–194.
- Жигунова М.А.** Русские // Народы Западной и Средней Сибири: культура и этнические процессы. – Новосибирск: Наука, 2002. – Гл. 4. – С. 113–155. – (Культура народов России).
- Жигунова М.А.** Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. – Омск: Изд. дом “Наука”, 2004. – 228 с.
- Жигунова М.А., Шелегина О.Н.** Материальная культура русского населения в XX веке: традиции и новации // Русский этнос Сибири в XX веке. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2004. – С. 62–89.
- Каганаев Г.** Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке. – Омск: [Б.и.], 1893. – (Зап. ЗСОРГО; Кн. 15, вып. 2).
- Корель Л.В.** Классификация адаптаций: Словарь основных понятий. – Новосибирск, 1996. – 44 с. – (Препр. / СО РАН. ИЭОПП).
- Корель Л.В.** Социология адаптаций: этюды апологии. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997. – 160 с.
- Коровушкин Д.Г., Логкин И.В., Смирнова Т.Б.** Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и этнокультурная адаптация). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 272 с.
- Культурология. XX век:** Словарь. – СПб.: Унив. кн., 1997. – 630 с.
- Лебедева А.А.** Крестьянская одежда русского населения Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.). – М.: Наука, 1981а. – Гл. 4. – С. 142–182.
- Лебедева А.А.** Терминологический словарь элементов одежды русского населения Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.). – М.: Наука, 1981б. – Прил. № 1. – С. 223–241.
- Липинская В.А.** Пища русских сибиряков // Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.). – М.: Наука, 1981. – Гл. 5. – С. 183–201.
- Липинская В.А.** Местные особенности традиционных поселений, жилища, хозяйственных строений и возможности их учета и использования в современном строительстве (по материалам Сибири) // Русские народные традиции и современность. – М.: Наука, 1995. – С. 174–206.
- Липинская В.А.** Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае (XVIII – начало XX в.). – М.: Наука, 1996. – 268 с.
- Липинская В.А.** Адаптивно-адаптационные процессы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 18–40.
- Люцидарская А.А.** Пища в системе жизнеобеспечения колонистов Сибири // Русские старожилы и переселенцы в историко-этнографических исследованиях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 145–154.
- Майничева А.Ю.** Крестьянское жилище северной части Верхнего Приобья в конце XIX – начале XX в. // Русские старожилы и переселенцы в историко-этнографических исследованиях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 106–145.
- Майничева А.Ю., Люцидарская А.А.** Традиции строительного дела, верования и обрядность русских старожиллов Приобья в конце XIX – начале XX в. // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв.: Очерки истории и быта. – Омск: Изд. дом “Наука”, 2003. – С. 85–106.
- Петрова Е.В.** Социокультурная адаптация “семейских” Забайкалья: этносоциологический анализ. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 128 с.
- Ромм М.В.** Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. – Новосибирск: Наука, 2002. – 274 с.
- Русские старожилы** и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 216 с.
- Сабурова Л.М.** Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX–XX в.). – Л.: Наука, 1967. – 280 с.
- Скрябина Л.А.** Русские Притомья: Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX в.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 130 с.
- Томилов Н.А.** Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX в.). – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2001. – 198 с.
- Томилов Н.А., Алисов Д.А., Жигунова М.А.** Некоторые проблемы и перспективы изучения русской культуры в Западной Сибири // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв.: Очерки истории и быта. – Омск: Изд. дом “Наука”, 2003. – С. 7–19.
- Фурсова Е.Ф.** Традиционная одежда русских крестьян – старожиллов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 152 с.
- Шелегина О.Н.** Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 252 с.
- Шелегина О.Н.** Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв.: Учеб. пособие. – М.: Логос, 2001а. – Вып. 1. – 184 с.
- Шелегина О.Н.** Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в.: Учеб. пособие. – М.: Логос, 2001б. – Вып. 2. – 160 с.
- Шелегина О.Н.** О влиянии аборигенного населения на адаптацию костюма русских сибиряков (XVIII – первая половина XIX в.) // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.): Тез. докл. Междунар. науч. конф. Новосибирск, 19–20 июня 2003 г. – Новосибирск, 2003а. – С. 66–70.
- Шелегина О.Н.** О результатах и перспективах изучения адаптации русских к условиям Сибири в XVIII – первой половине XIX века // Адаптации населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. – Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2003б. – С. 17–37.

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
- ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт
- ГИМ – Государственный Исторический музей
- ГИН – Геологический институт АН СССР
- ГУП РПО СО РАСХН – Государственное унитарное предприятие “Редакционно-полиграфическое объединение Сибирского отделения Российской академии сельскохозяйственных наук”
- ДВНЦ АН СССР – Дальневосточный научный центр АН СССР
- ЗСОРГО – Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
- ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
- ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
- ИЭОПП СО РАН – Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- НИПИ ПМК – Научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры
- ОИГГиМ СО РАН – Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии СО РАН
- РА – Российская археология
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
- СМАЭ – Сборник Музея археологии и этнографии